

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Проблематизация применения философского термина «субъект» к животному

Сурина Екатерина Игоревна

Студент

Университет Тарту, Факультет философии, Тарту, Эстония

E-mail: hveralund@gmail.com

Философский термин «субъект» имеет длительную историю, обладает значительным багажом коннотаций и является одним из наиболее значимых компонент в дефиниции человека. Но начиная со второй половины прошлого века были предприняты серьезные попытки расширить сферу применения термина на живые системы в целом в тех контекстах, где экспликация жизни непосредственно связана с экспликацией семиозиса в живых системах и со смещением семиотического порога (например, в био- и зоосемиотике). Так, Й.Хоффмейер, представитель биосемиотики, рассматривает «субъект» и производные термины как критерий различия между живыми и неживыми системами [3]. Предтеча биосемиотики Ф.Ротшильд предлагал отказаться от рассмотрения субъективности как эпифеномена эволюции или эксклюзивного человеческого атрибута и говорить скорее о степенях субъективности, представленных простейшими, беспозвоночными, позвоночными и человеком [4].

Более важный этап расширения сферы применения термина – это учреждение т.н. постгуманистического видения животного как непосредственного этического субъекта. Показательной является попытка американского философа К.Вульф установить постгуманистическую перспективу (отказ от гуманистической трактовки субъекта) в постгуманизме (проблематизации онтологического и этического разрыва между человеком и животным), иными словами, обосновать взгляд, в соответствии с которым животное должно быть определено как нечеловеческий субъект [5]. Традиционно проблематика животного рассматривается в терминах способности к символической репрезентации, более того, существует онтологический разрыв между животным и человеком, фундаментальный этический разрыв и основанный на заключении, что все феномены, относящиеся к субъективности, реализуются в языке и посредством него. В таком контексте Вульф утверждает необходимость нового подхода в понимании животного, сформулированного не в терминах способностей, а в терминах претерпевания, неспособности. Вслед за Ж.Дерридой Вульф выделяет два вида человеческой конечности: физическую конечность, связанную с телесной воплощенностью и маскируемую другой конечностью, обусловленной подчинением языку [5]. Очевидно, что второй вид конечности непосредственно затрагивает две фундаментальные характеристики классической модели субъекта: транспарентность, предполагающую способность субъекта к полной рефлексии над содержанием собственного сознания и основанную на ней способность выстроить связный дискурс, и суверенность. Оба вида конечности человека становятся базисом переосмысления онтологической и этической границы между человеком и животным и оказываются главными аргументами в обосновании легитимной атрибуции термина «субъект» животному.

Тем не менее, в силу полисемантической концепта, главным образом, наличия в нем юридических и метафизических коннотаций, целесообразность его аппликации или

экстраполяции на сферу живых систем и, в частности, животных представляется сомнительной, поскольку в данном случае неизбежен антропоморфизм. Множественность значений термина субъект обусловлена двойной латинской этимологией, и введение его в философский дискурс привело к формированию двух парадигм интерпретации: с одной стороны, акцентуация логической, грамматической и онтологической коннотаций термина мотивировала надделение субъекта статусом субстанционально сущего; с другой стороны, политические и правовые коннотации термина были использованы в экспликации субъекта как подчиненного [2]. Иными словами, неоправданность расширения применения «субъекта» связана, во-первых, с идеей субстанциональности субъекта в классической (гуманистической) его трактовке; во-вторых, с идеей подчиненности, интерпретируемой как присущей исключительно человеку.

Трактовка субъекта как подчиненного, презентирующая неклассическую модель субъекта, подчеркивает, что субъект – исключительно человеческий атрибут, и одновременно сохраняет идею конечности, фундирующую современные попытки обосновать экстраполяцию. Иными словами, распространение «субъекта» на животное проблематично, поскольку термин уже предполагает некоторый правовой статус его носителя, равно как и указывает на специфически человеческую подчиненность. Более того, хотя вышеуказанные виды конечности (особенно второй вид) могут быть базисом переосмысления этического статуса животного, они не являются с необходимостью релевантной основой для экстраполяции термина «субъект» на животное. Это может быть продемонстрировано на примере неклассической модели субъекта, представленной в современной французской философии, где идея лингвистической природы субъекта получила особый резонанс. Здесь конечность, вызванная подчиненностью языку, оказывается аргументом в обосновании субъекта как исключительно человеческого атрибута. Так Жак Лакан подчеркивает значение подчиненности в концепте и лишает субъекта его субстанциональности, утверждая его принципиальную эксцентричность по отношению к Я. Развивая не-репрезентативную теорию языка, Лакан интерпретирует лингвистическую природу субъекта в терминах подчинения и представляет модель субъекта как подчиненного Другому (воплощающий социальные связи дискурс) [1]. Это демонстрирует то, что правовые и политические коннотации термина выполняют креативную функцию в построении неклассической модели субъекта, апеллирующей к конечности человека. Более того, элиминация метафизических и правовых коннотаций привела бы к значимой потере содержания, вероятно делающей дальнейшее использование термина нецелесообразным. Таким образом, собственная история концепта субъект и смена моделей субъекта задают сферу его легитимного и обоснованного применения.

Литература

1. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинар, Книга XI (1964)). Москва, 2004.
2. Балібар Е, Кассен Б., де Лібера А. Суб'єкт // Європейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший. Київ, 2009. С. 148-173.
3. Hoffmeyer J. Biosemiotics: an Examination into the Signs of Life and the Life of Signs. Scranton and London, 2008.

4. Rothschild F.S. Laws of Symbolic Mediation in the Dynamics of Self and Personality // Essential Readings in Biosemiotics. Anthology and Commentary. London; New York, 2010. P.445-467.
5. Wolfe C. What Is Posthumanism? Minneapolis; London, 2010.

Слова благодарности

This research was supported by European Social Fund's Doctoral studies and Internationalisation Programme DoRa.